

ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В. М. Алпатов

Институт востоковедения РАН

(Лекция, прочитанная в ВГУ 02.11.2006 г.)

Поступила в редакцию 11 февраля 2010 г.

Аннотация: *статья посвящена описанию зарождения и развития лингвистической традиции в Европе.*

Ключевые слова: *история языкознания, античная традиция, лингвистические методы.*

Abstract: *the article describes origin and development of European linguistic tradition.*

Key words: *history of linguistics, antique tradition, linguistic methods.*

Наука о языке – это одна из самых старых наук в мире, потому что человеку приходится обращать внимание на язык, которым он пользуется.

Язык – это одно из основных свойств человека и, конечно, нужно на него обращать внимание. Древнейшие дошедшие до нас свидетельства о том, что язык изучали, относятся к началу второго тысячелетия до новой эры. Почти четыре тысячи лет назад в древнем Вавилоне писали клинописные таблички в виде школьных прописей. Следовательно, парадигмы словоизменения вроде нашего «стол, стола, столу» существовали уже почти четыре тысячи лет назад.

Но для чего надо человеку учить язык? Языком человек овладевает, как правило, совершенно стихийно, сам того не замечая, в возрасте, в котором, как говорил наш замечательный ученый Евгений Дмитриевич Поливанов, «для человека еще не существует никаких декретов», человек просто выучивает язык, слыша, как говорят окружающие.

Почему он выучивает язык? Это вопрос, который до сих пор остается спорным, и очень многого мы здесь не знаем. Тем не менее – выучивает, и для этого никакой науки не надо. И когда люди нормально пользуются своим языком, они язык вообще не замечают, замечают они его только в случае каких-то помех. Например, когда сталкиваются с тем, что человек говорит, а собеседник его не понимает или, наоборот, – человек не понимает то, что говорит собеседник, а бывает и так, что человек примерно себе представляет, о чем он хочет сказать, но не подберет нужных слов. Ну и конечно, прежде всего, о языке человек вспоминает, когда он и его собеседник говорят на разных языках в буквальном смысле слова, но

вопрос – на каких языках, потому что, в принципе, можно и чужим языком овладеть, как это делают маленькие дети, без всякой науки.

Для чего же появилась наука о языке? Ведь в целом человек, а особенно человек древней эпохи, не был склонен о чем-то рассуждать просто так. Всякая наука рождается из какой-то практической потребности. Главной практической потребностью было овладение языком культуры именно тогда, когда язык культуры для всех или, по крайней мере, для части людей той или иной культуры отличался от разговорного; вот тут стоял вопрос о том, как этот язык нужно «препарировать», нормировать, описывать, чтобы ему выучиваться.

Как известно, история человечества – это во многом история разных культурных ареалов (античный греко-римский, индийский, китайский, японский, мусульманский в широком смысле) и, как правило (по крайней мере это было общим правилом до эпохи Возрождения для европейской культуры; в некоторых культурах это сохранилось и позже), каждая культура основывалась на каком-то одном языке, реже на двух, как это получилось в Европе, где первоначальным языком культуры был древнегреческий, но потом в силу ряда обстоятельств наряду с древнегреческим эту роль стал играть и латинский язык. В Китае это был старописьменный китайский вэньянь, в Японии – старописьменный японский бунго, в Индии – санскрит, в мусульманском мире – классический арабский язык. Этим языкам надо было учиться, а для этого надо, чтобы этот язык как-то был описан. И показательно, что хотя греческая классическая философия достигала очень больших высот, но очень долго в Древней Греции наука о языке не была отделена от философии – науки о самых общих вопросах.

Когда возникла античная традиция? Во времена расцвета Афинской демократии, когда была филосо-

фия, была трагедия, была комедия, а науки о языке еще не было. Она не была особенно нужна, потому что в это время говорили, писали, произносили речи более или менее на одном и том же языке, достаточно общепонятном. Всё изменилось в так называемую «эпоху эллинизма», когда после завоеваний Александра Македонского греческий язык распространился по огромной территории. Держава Александра Македонского быстро распалась на несколько государств, но тем не менее в каждом из этих государств языком культуры и, что также важно – языком администрации, языком армии (все эти вещи чаще всего бывают связаны друг с другом) был греческий. Ясно, что в Египте или в Сирии мало для кого греческий язык был родным. Центром лингвистической культуры была Александрия в Египте; и вот именно в Александрии и была создана европейская наука о языке.

Второй важнейшей причиной была необходимость толковать тексты на древнем и не очень понятном языке, уже, скажем, и для александрийцев. Гомер, «Илиада» и «Одиссея» были примерно такая же древность, как для нас «Слово о полку Игореве»; и, конечно, в этом языке уже не все было понятно. Филология – это исконно наука о толковании текстов, причем толкование текстов может быть разным. Может быть реконструирована орфография древних текстов, может быть реконструировано и произношение древних текстов, но и, конечно, больше всего в таких случаях занимаются тем, чтобы правильно эти тексты понимать, чтобы выяснять, что значили непонятные слова и т.д. Так что вторая причина появления науки о языке лингвистических традиций – это потребность филологическая, причем чем позднее возникает та или иная традиция, тем эта потребность оказывается более важной.

В числе других традиций еще можно назвать, скажем, потребности стихосложения. Стихи у разных народов построены на совершенно разных принципах, но, тем не менее, всегда стихотворная речь как-то, чем-то, какой-то упорядоченностью, какой-то регулярностью отличалась от обычной речи, и эти правила надо было устанавливать.

В некоторых культурах (прежде всего в Индии) стояла задача правильно разговаривать с Богами, надо было правильно строить ритуальные тексты обращения к Божествам, для чего брался какой-то набор первичных элементов (в случае Индии – корней) и из этих корней строились слова, предложения и целые тексты. И для этого надо было установить правила.

Что было общим у всех этих традиций? Формировались они в разное время, причем европейская традиция была не самой древней, Александрия и эпоха эллинизма – это уже последние века до новой эры, а в Индии интереснейшая наука о языке существовала уже в середине первого тысячелетия до новой эры. Но что было общего у этих традиций? Во-пер-

вых, они были тесно связаны с практикой; во-вторых, эта практика была тесно связана с понятием нормы.

Существует три основных подхода к языку, это касается не только лингвистики, но и многих других наук. Наука может быть: нормативная, описательная и объяснительная. Первоначально господствовал нормативный, прикладной подход к языку, и очень важно было устанавливать, а затем поддерживать норму для языка культуры. Еще несколько общих черт: каждой традиции было свойственно представление о том, что язык, достойный изучения, один, – это язык нашей культуры. Конечно, как эмпирический факт люди знали, что языков много, были толмачи, были люди, умевшие разговаривать с противником, или торговцы, которые могли торговать и говорить на чужом языке, но это все не было связано с наукой. Если же какой-то народ культурно превосходит соседей, то такое представление только укрепляется. Это вообще свойственно людям на определенной стадии развития; всем известна этимология такого слова, как *варвары* – дословно «бормочущие», т.е. коровы – мычат, бараны – блеют, варвары – бормочут, а люди – говорят на одном «нашем» языке. Иногда говорят немного по-разному, вот такого рода различия получили название диалектных. Так что мы можем говорить на разных диалектах, но язык один. Бывали некоторые вариации, скажем, в Европе культурный ареал довольно рано разделился на греческий и латинский. В дальнейшем, особенно после падения великой Римской империи, ареалы полностью разошлись: в западной Европе уже знали только латынь, а в Византии, а затем и в православном славянском мире уже знали только греческий.

Сейчас иногда думают, что исторический подход к языку – это подход традиционный, а синхронный подход – это подход уже современный. В XX в. так действительно было, но исторически синхронный подход к языку является первичным. Идея исторической изменчивости языка либо отсутствовала, либо понималась иначе, чем потом. Для многих традиций казалось несомненным, что язык человеку дан Богами, какими-то высшими существами или (вариант Библии) язык создан человеком, но опять-таки под наблюдением Бога. Ну а что можно делать с драгоценным даром? Его нельзя изменять, нельзя совершенствовать, но можно портить, можно забывать. Поэтому те изменения, которые замечались, обычно рассматривались как порча языка, с ними старались как-то бороться.

Еще одно свойство – это подходы разных традиций с точки зрения использования двух основных научных методов: синтеза и анализа. Можно идти, как это делали древние индийцы, путем синтеза, и великая грамматика Панини, которая была сочинена устно в первом тысячелетии до новой эры, предполагает построение текста из некоторых минимальных

смысловых единиц. Это путь синтетический. Но большинство лингвистических традиций, в том числе и европейская, были традициями аналитическими. Там никакие тексты не создавались, они были уже готовой данностью (здесь и дальше под текстами я имею в виду и устную, и письменную речь). Тексты там нужно проанализировать, т.е. разделить на предложения, разделить на слова, разделить на звуки, выделить какие-то классы единиц и т.д.

Далее речь пойдет почти исключительно о европейской науке. Так исторически сложилось, что из европейской традиции, хотя она долго была не самой развитой, сформировалась мировая наука о языке. Европейская традиция с самого начала была аналитической и оставалась такой, исключительно аналитической, примерно до середины XX в. Главная задача лингвиста – исследовать уже существующие тексты, построением же текстов в европейской традиции занималась особая дисциплина – риторика, с другими правилами, о которых мы сейчас говорить не будем.

Уже в античное время греческий и латинский язык (латинский язык в основном по греческой модели, но с некоторыми модификациями) были описаны. В целом едва ли не большинство тех лингвистических понятий, с которыми мы знакомимся в школе, восходит еще к античной традиции. Звук, слог, гласный звук, согласный звук, слово, предложение, глагол, имя, междометие, местоимение, предлог, время, наклонение, род, падеж, число, управление, согласование и т.д. – почти все они уже были в александрийских грамматиках и в как-то следовавших их традициях римских грамматиках. Очень многие из этих терминов представляют собой кальки с латинского или греческого.

Лишь два исключения: во-первых, не было тогда таких понятий, как *корень*, *суффикс*, *приставка*, *окончание* – всё это появилось уже где-то на переходе от эпохи Возрождения к Новому времени, и не было *членов предложения*, они появились в позднем Средневековье, но тоже уже достаточно давно.

В Древнем Риме, конечно, не могли думать, что латинский – это единственный язык, знали, что есть два языка: латинский и греческий, но, тем не менее, эти языки практически никогда не сопоставляли. Как только греческая традиция была приспособлена для латинского языка, этой традиции уже греческий язык больше не был нужен, занимались только латинским.

Наука, созданная в античности, более или менее неизменной оставалась до XIII в., а далее с XIII по XVIII в. произошли, как я их называю, три великих переворота, если угодно – три великих революции в истории европейской лингвистической традиции, которые преобразовали эту лингвистическую традицию в науку о языке.

Первый переворот связан с той наукой, которая в следующую историческую эпоху – эпоху Возрожде-

ния – получила уничижительное название *схоластической науки*. В области лингвистики эта *схоластическая наука* получила название «школа модистов» от слова «модус». Модисты – это ученые XIII–XIV вв. Во-первых, они начали достраивать античный синтаксис. Понятия *сказуемого*, *подлежащего*, *дополнения*, *определения* появились именно тогда. Во-вторых: они впервые отделили лингвистику от непосредственно нормативных задач и поставили задачу построения *объяснительной науки*. Суть первого переворота (первой революции) – это появление в школе *модистов* так называемых философских грамматик, т.е. грамматик уже не нормативных, с претензией на объяснение. За основу брали античные латинские грамматикологии, но каждому грамматическому явлению приписывали, как тогда говорили, некоторый модус, некоторое философское обоснование. То есть, как бы существовало два мира: мир всяких грамматических категорий, словоизменения и т.д. частей речи, а второй мир – это мир философский, где все это получает объяснение. Недостатком подхода модистов было то, что сохранялась идея о том, что достоин изучения только один язык – латинский, отсюда это соотношение рассматривалось как взаимно-однозначное. Например, род неодушевленных существительных в латыни обосновывался философски, что, конечно, было наивно.

Далее началась эпоха Возрождения, которая была связана сразу с несколькими процессами, которые частично следовали один за другим, а частично были одновременными. Во-первых, началась эпоха гуманизма, эпоха ренессансной учености, когда кроме латинского языка снова открыли греческий и, кроме того, получил известность древнееврейский, язык Ветхого Завета. Кстати, в связи с изучением древнееврейского языка из семитских лингвистических традиций была заимствована идея о том, что слово можно поделить на значимые части, что есть *приставка*, *корни*, *суффиксы*, *окончания*; понятия *корня* и *аффикса* появились только тогда. Во-вторых, это была эпоха так называемых Великих географических открытий, когда Европа познакомилась с ранее совершенно неизвестными территориями: была открыта Америка, появились какие-то более достоверные сведения, чем раньше, об Индии и Китае и других странах, следовательно, сразу встала проблема изучения языков всех этих стран. В-третьих, это эпоха становления национальных государств. Складывались централизованный рынок, централизованная система судопроизводства, не наемная, а уже постоянная армия из граждан данного государства, распространялось школьное обучение. И всегда одним из атрибутов таких государств выступал государственный (официальный) язык. Если раньше обходились одной латынью, которую, однако, учить было достаточно сложно, то теперь встала проблема установле-

ния норм уже таких языков, как английский, французский, немецкий, испанский, итальянский и т.д. Все эти языки во многих культурных сферах начали вытеснять латынь. Эти языки нужно было нормировать. При этом в Европе было много государств, и надо было считаться с существованием государств-соседей и их языков. Отсюда сформировалась идея, что языков много и их можно и нужно сравнивать. В это время ранее единая европейская традиция начала делиться на отдельные национальные варианты. В наше время, например, у нас и у народов, пользующихся английским языком, лингвистические понятия могут не совпадать. Попробуйте перевести на русский слова *close* или *phrase*, а с другой стороны, попробуйте перевести на английский такое привычное нам понятие, как *знаменательное слово*, – нет стандартного перевода, потому что нет в английском варианте традиции такого понятия.

Но все-таки европейская традиция осталась в целом единой, а в разных странах произошло то, что я называю *второй революцией*, или вторым переворотом, который длился с XV по XVII в. Прежде всего, появилась идея о множестве человеческих языков, требующих исследования. Кстати, именно в связи с этим сформировалось понятие иностранного языка: до того латынь не была иностранным языком, она была (как и, например, для русского в те времена церковно-славянский язык) самым престижным вариантом своего языка. А теперь для каждого народа Европы другие европейские языки уже понимались как иностранные.

И вторая с этим связанная идея: между разными языками есть различия, но у них мы видим и что-то общее, следовательно, встал вопрос об универсальных и особых свойствах языка. Появился новый тип объяснительных грамматик, теперь они назывались уже не философскими, а логическими. Законченный пример – это знаменитая грамматика Пор-Рояля, появившаяся во Франции в XVII в., где указывается, что есть единая логическая основа всех языков и есть системы отдельных языков, которые как-то, пусть не всегда однозначно, соответствуют этой логической системе. Предполагалось, например, что имеется единая логическая система падежей, за основу брали латинскую систему как самую развернутую, но те же падежи находили и во французском языке, скажем, во французском языке родительный падеж выражен предлогом *de*, звательный падеж выражен опущением артиклей и т.д. Но с другой стороны, скажем, в латинском языке нет артикля, а во французском или испанском, итальянском он есть, поэтому предлагалось считать, что и в логическом языке есть артикль. Ну и конечно, такие черты, как род неодушевленных существительных уже перестали иметь общий статус, поскольку было известно, что есть языки с тремя родами и с двумя, а есть, как английский, – без рода.

Стало быть, эта вещь не универсальна. Так возникла идея сопоставления языков и выделения общих специфических свойств, но в XVII в. языков знали еще слишком мало. В той же грамматике Пор-Рояля систематически сопоставляются фактически шесть языков: латинский, греческий, древнееврейский, французский, испанский, итальянский, а также изредка упоминаются северные языки (германские) и восточные языки (например, турецкий). Нужно было значительное расширение материала, которое шло в XVII, в XVIII и в XIX в., в том числе в пределах жанра миссионерских грамматик, поскольку миссионеры, распространявшие христианство среди многих народов, больше всего занимались изучением всяких экзотических языков, правда, на основе применения европейского эталона, что тогда было неизбежно.

В XVIII в. эти процессы продолжались, но в это время начался третий великий переворот, завершившийся в начале XIX в.: это формирование идеи исторического развития языка. Это был как раз пик интереса к проблеме происхождения языка: строили разные гипотезы о том, как люди начали говорить (хотя каких-то достоверных фактов, на которые можно было опереться, тогда не было, как нет и сейчас). Более продуктивным был интерес к другой проблеме: как языки развиваются. Концепция языкового развития была окончательно сформулирована в первой половине XIX в. такими крупнейшими учеными, как Вильгельм фон Гумбольдт и братья Август и Фридрих Шлегели. Они считали, что языки развиваются от простого к сложному, что чем язык сложнее, тем более продвинутой стадию развития он отражает. Тогда уже было какое-то представление о строе китайского, арабского, турецкого и ряда других языков, их могли сравнивать с европейскими. Что является мерой сложности языков? Первое, что приходило в голову, – это сложность морфологическая, тем более что на это накладывались представления, которые в это время были еще сильны, о том, что античность – эпоха мудрости человечества, что в эпоху античности человечество достигло вершины своего развития, а латинский и греческий языки очень сложны морфологически. Поэтому именно они считались самыми развитыми. О том, что было после, могли быть разные мнения. Некоторые считали, что современные языки деградировали, некоторые считали, что идет, как говорил Гумбольдт, тонкое совершенствование того, что уже достигнуто в античное время. Так появились понятия флективных языков и противопоставленных им агглютинативных, аморфных (или изолирующих) и инкорпорирующих. Действительно, было «нащупано» нечто фундаментальное и кардинальное, все эти термины уже 200 лет остаются в науке неизменно, хотя само понимание причин их различий менялось. В XIX в. классы языков связывались со стадиями развития человеческого мышления. Эта идея к концу XIX в. была оставлена, и только один академик

Марр пытался ее возродить в XX в. Еще одна идея, выдвинутая А. Шлейхером в середине XIX в. под влиянием учения Дарвина, заключалась в уподоблении языка живому организму: он рождается, развивается, растет, а потом стареет и умирает. Эти идеи также были затем оставлены.

Другой круг идей относительно развития языков был связан с проблемами языкового родства.

Идеи о языковом родстве выдвигались еще в XVII и в XVIII в., но нужен был какой-то строгий научный метод. Толчком к построению нового научного метода было открытие в конце XVIII в. ранее не известного в Европе древнеиндийского языка – санскрита. Оказалось, что в Индии сохранились величайшие памятники, но более всего поразило, что санскрит по своему строю очень похож на древнегреческий и латинский языки. И не только по строю: в нем можно опознать некоторые латинские и греческие слова.

Происходит кристаллизация идей, которые уже существовали, и в первые три десятилетия XIX в. формируется первый строгий научный метод языкознания: *сравнительно-исторический*.

Еще раз повторю: *первый великий переворот* – появление философских грамматик, постановка *объяснительных* задач, *второй переворот* – это идея *сравнения* языков и выделение общих и частных свойств языков и *третий переворот* – появление идеи исторического развития.

Весь XIX в. проходил под знаком исторического и сравнительно-исторического языкознания. Были две основные линии развития науки о языке: первая линия – В. Гумбольдт и его продолжатели, вторая линия – компаративистика, реконструкция праязыков.

В. Гумбольдт и его последователи занимались тем, что мы сейчас обычно называем *типологией*, а также рассматривали вопросы философии языка, языка как средства общения, языка как средства самопознания человечества или самопознания народа. Постепенно от философских идей Гумбольдта перешли к чему-то менее глобальному, но и более легкому для изучения: к исследованию отражения в языке коллективной, а затем и индивидуальной психологии. Эта линия (Г. Штейнталь, А. А. Потебня, позже К. Фосслер) была менее интенсивна, чем другая, наиболее массовая линия развития – *сравнительно-историческое языкознание*.

Компаративисты разработали первый строгий научный метод, научились сравнивать языки и восстанавливать праформы, реконструировать древнейшие языковые состояния. Действительно, это великая наука, и уже к середине XIX в. она получила, правда не многочисленные, но все-таки блестящие подтверждения. Бывали случаи, когда что-то реконструировали, а потом вдруг эта форма находилась в какой-нибудь надписи, как это было с народной латынью. Индоевропеистика за XIX в. значительно продвинулась.

В то же время изучение современных языков обычно рассматривалось как не совсем наука, в лучшем случае ей отводилось место науки чисто описательной, которая ничего не может объяснить. Объяснением того или иного явления языка в это время считалось вскрытие его происхождения. Например: объяснение слова – это его этимология; объяснение каких-нибудь звуковых различий – это пояснение того, из чего они произошли, что там было на этом месте в праиндоевропейском или прагерманском, праславянском и т.д. языке. А современными языками в основном занимались две категории исследователей. Если это языки культурных народов, то это в основном были практики-педагоги, поскольку нужно учить этим языкам и писать учебники, составлять учебные и практические словари, а если это языки экзотические, то это миссионеры (чаще всего), чиновники колониальной администрации и просто путешественники, но (за редчайшим исключением) не академические профессора.

Так продолжалось до конца XIX в., а потом постоянно такая обращенная в прошлое (часто – в очень глубокое, например, праиндоевропейское) ориентация лингвистики у многих начала вызывать возражение. Но даже с прошлым многое было неясно. За XIX в. стало более или менее ясно, как развивался русский язык от эпохи «Остромирова Евангелия» и «Русской правды» и до тогдашней современности, что во что переходило и когда исчез аорист, а когда плюсквамперфект, но причины этих изменений были абсолютно не понятны. Почему, например, пали редуцированные, почему «Ять» нигде не сохранился как отдельная фонема, но при этом в одних восточнославянских диалектах совпал с «э», а в других с «и»? На эти вопросы, кстати, и сейчас лингвистика ответить не может, а тогда лингвисты видели в этой невозможности порок сравнительно-исторического метода.

На грани XIX и XX вв. языковеды более всего спорили о понятии *фонетического закона* – как в истории какого-то языка или какой-то языковой семьи какие-то звуки переходили в какие-то звуки. С одной стороны, такое понимание закона многих не удовлетворяло как слишком узкое, с другой стороны, многие отмечали механическую природу этих законов, не имеющих исключений. Но, как часто бывает в науке, и не только в науке, интенсивно спорят по какому-то вопросу, а новая парадигма вызревает совсем не там. Пока спорили об историческом законе и о причинах исторических изменений, постепенно вызрела новая парадигма, которая уже была направлена снова на изучение языков, прежде всего, в отвлечении от их истории. Те или иные идеи в разное время, начиная от 80-х гг. XIX в. по 10-е гг. XX в., выдвигали разные ученые: Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ и его ученик Николай Вячеславович Крушевский, Фердинанд де Соссюр и его ученик Альбер Сеше.

Почему же основоположником новой лингвистики считается именно Соссюр, а не кто-нибудь из трех остальных? Было, конечно, много причин, но главная, по-видимому, в том, что все гениальное просто, а концепция Соссюра была из них самой простой. Все перечисленные ученые восстанавливали в правах синхронную (в других терминах, статическую) лингвистику, но И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский и А. Сеше говорили, что нужно изучать и статику, и динамику (диахронию), Бодуэн де Куртенэ считал статику частным случаем динамики. А Соссюр в ходе его импровизаций у доски перед студентами провел очень жесткую границу: он разграничил, с одной стороны, язык и речь, полагая, что из всего, с чем мы сталкиваемся, нужно выделить самое главное, самое существенное – это язык, а во-вторых, разделил диахронию и синхронию и сказал, что синхрония нам важна, потому что носителям языка никакая история языка не нужна, а нужна только синхрония. Отсюда следовал вывод: давайте заниматься только языком и только синхронией. Не надо думать, что изучение языка и изучение синхронии началось с Соссюра или даже с Бодуэна де Куртенэ и Крушевского: уже упоминавшиеся мной древнеавилонские парадигмы относились, по классификации Соссюра, к синхронной лингвистике языка. Но заслуга Соссюра в том, что он четко очертил круг первоочередных задач, которыми, в общем, до XIX в. лингвистика и занималась, только теперь уже под это была подведена некоторая научная база. Можно сказать, что Соссюр открыл, сформулировал и научно обосновал возможность заниматься лингвистикой, не обращая внимания на самую в то время развитую и разработанную область лингвистики – сравнительно-историческое языкознание. Вместо того, чтобы идти вглубь сравнительно-исторического языкознания, искать там причины изменения, развития и т.д., он просто предложил: давайте займемся другим. А все остальные ученые пытались совместить обе задачи. Подход Соссюра был проще и более решительно ставил новые задачи.

После Соссюра наступил период господства структурализма. Структурная лингвистика, что важно отметить, развивалась и в сторону развития теории, и в сторону шлифовки методов (тогда как у компаративистики всегда был разработан метод и слаба теория, а у последователей Гумбольдта было наоборот). Но методов, конечно, уже совершенно других по сравнению с наукой XIX в. – методов синхронного описания языка.

Основное, что объединяло всех структуралистов: во-первых, преимущественное внимание к синхронии, хотя кто-то мог обращаться и к диахронии, как иногда Р. Якобсон. Второе – это, по крайней мере, декларирование языка как системы, где все взаимосвязано и делится на разные уровни, или ярусы язы-

ка, такие как фонологический, морфологический, синтаксический. Однако разные уровни языка структурному анализу поддавались совершенно по-разному, и полигоном для развития структурных методов, прежде всего, была фонология. И – что также свойственно было всем структуралистам – они отказались от чисто индуктивного подхода, который господствовал в XIX в., и все в той или иной степени использовали дедукцию.

Но были и различия. Два направления структурализма по-разному доводили структурный подход до некоторого логического завершения, дальше которого, оказалось, идти уже некуда. С одной стороны, подход чисто дедуктивный, чисто *рационалистический* – это подход глоссематики, подход Ельмслева, который трактовал язык как некую абстрактную систему, построенную по образцу систем математической логики, отводя второстепенное значение вопросу о том, применимы ли эти системы к тем или иным языкам. Поэтому на основе глоссематики не удалось изучить ни одного языка. Это была крайность рационалистическая, а другая крайность, *эмпирическая*, была у *дескриптивистов*. Сам основатель дескриптивизма Блумфильд называл свой метод материалистическим, или механистическим. То есть единственная реальность – это эмпирические факты. Исследователь воспринимает некоторые звуковые отрезки, дальше видит, что это не какой-то белый шум, есть там закономерности, какие-то последовательности встречаются с вероятностью много выше среднестатистической, а какие-то много ниже. Дальше начинается процедура сегментации и потом процедура анализа *дистрибуции*. *Варианты* сводятся к некоторым *инвариантам*; так определяются фонемы, морфемы, их сочетаемость, их классы. В крайних вариантах дескриптивизма вообще предлагалось обойтись без значения, поскольку значение – это вещь очень неясная, непонятная и не формализуемая. И, кроме того, как считал Харрис, значения просто дублируют дистрибуцию. Так что если какие-то там два отрезка разные, значит, наверняка у них и разные дистрибуции, поэтому мы можем вообще без значения обойтись. То есть такой подход часто называют дешифровочным: примерно так же подходят дешифровщики на первых этапах своей работы, но ясно, что потом им все равно приходится обращаться к значению, иначе их работу не примут. Кстати, некоторые дескриптивисты во время второй мировой войны работали как шифровальщики и дешифровщики в армии. Совсем отказывались от значения не все дескриптивисты, но тем не менее была очень сильная тенденция рассматривать язык только формально, только на основе закономерностей сочетаемости тех или иных единиц. Это сильно продвинуло лингвистическую методику и, в отличие от глоссематики, на основе дескриптивизма было описано много языков. Тем не

менее этот подход вел в тупик, был непригоден для изучения синтаксиса и семантики.

Были, однако, и сторонники структурализма, которые старались избегать обеих крайностей. Одна из самых главных – Пражская лингвистическая школа во главе с В. Матезиусом и эмигрантами из России Н. Трубецким и Р. Якобсоном. То же можно сказать и о Женевской школе, и о Московской и Ленинградской школах в нашей стране. Структурные методы, безусловно, расширили лингвистические горизонты, позволили разработать методiku синхронного анализа фонологического и отчасти морфологического уровней языка. Однако они были не универсальны. В 1960-е гг., когда в нашей стране шел активный процесс освоения западного структурализма, казалось, что эти методы всесильны, к тому же в это время как раз началась активная формализация, математизация лингвистики, первоначально еще в рамках структурализма.

Однако в самом центре структурализма – в США – ему был нанесен удар, от которого структурализм так и не оправился. Это сделал Ноам Хомский – ученый, до сих пор еще работающий. Он начинал как структуралист, но в 1957 г. издал книгу «Синтаксические структуры», а в 1960-е гг. – «Аспекты теории синтаксиса» и «Язык и мышление» (всё это есть и в русском переводе). В них он раскритиковал, прежде всего, дескриптивные методы, но также и весь структурализм. В целом, весь подход Соссюра и его последователей он назвал убогим на том основании, что они не отвечают на многие очень важные вопросы. Как часто бывает, отвергнув ближайших предшественников, Хомский вспомнил об ученых гораздо более ранних – авторах грамматики Пор-Рояля – А. Арно и К. Лансло и В. Гумбольдте, поскольку в грамматике Пор-Рояля был поставлен вопрос о некоторой единой общей системе языка и частных ее вариантах для отдельных языков. У Гумбольдта Хомский взял идею о творческом характере языковой деятельности, поскольку уже Гумбольдт обратил внимание на то, что человек не повторяет того, что он когда-то слышит, а он все время изобретает что-то новое, что никогда не слышал, да и, наверное, не услышит. Это относится не только к писателю или пророку, но и к любому самому заурядному человеку. И вот всем этим Хомский и его многочисленные ученики-последователи занялись и занимаются. Без-

условно, Хомский очень сильно расширил лингвистические горизонты. Он подчеркивал, что, несмотря на отдельные попытки выйти за пределы чисто описательной науки, структурализм все-таки был наукой почти исключительно описательной, а надо поставить перед лингвистикой и задачи объяснительные. Скажем, Хомский – сторонник точки зрения, согласно которой языковая компетенция, языковая способность человека, программа использования языка человека является врожденной (эта идея высказывалась еще Р. Декартом в XVII в.). Дальше ребенок, согласно Н. Хомскому, конечно, бессознательно из *общей теории* (термин Хомского) выбирает какую-то *частную*. Такие вопросы поставила *генеративная*, или порождающая, или хомскианская лингвистика, которая сейчас господствует в США, так же, как и во многих других странах, хотя в нашей стране ортодоксальное хомскианство по ряду причин господствующим направлением лингвистики так и не стало.

Кроме того, все больше сторонников стало появляться у так называемой «когнитивной лингвистики», которая еще больше старается расширить горизонты лингвистики, не накладывая таких жестких ограничений, которые накладывает лингвистика хомскианская, которая часто, декларируя расширение подхода, на практике следует довольно узким формальным моделям. И прежде всего сам термин «когнитивный» показывает стремление изучать познавательные способности человека.

Лингвистика, как и другие науки, знала и периоды сужения, и периоды расширения проблематики. В периоды сужения проблематики формируются более строгие, более разработанные научные методы, в периоды расширения горизонтов происходят прорывы вперед. Если первая половина XX в. была периодом, когда горизонты лингвистики, в основном, сужались, но зато активно развивались структурные методы, то сейчас горизонты лингвистики, наоборот, очень заметно расширяются и, во всяком случае, есть масса вопросов, про которые еще 50, 40, 30 и 20 лет назад говорили «это не лингвистика», структуралисты особенно старались очертить жесткие границы лингвистики. Но теперь времена изменились. Такие направления современной науки о языке, как прагматика, теория речевых актов, теория речевого воздействия, дискурсный анализ, изучение языковых картин мира, социоллингвистика всё активнее развиваются.

Институт Востоковедения РАН

Алпатов В. М., член-корреспондент Российской академии наук по отделению историко-филологических наук, доктор филологических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Alpatov V. M., Corresponding Member of RAS, Department of History and Philology, Doctor of Philology, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies RAS

E-mail: v-alpatov@ivran.ru